

Кармен Петровна

известная — 2002 — 8 апр. — с. 8

Сегодня исполняется сто лет Марии Максаковой

Сто лет назад в Астрахани, в семье мелкого чиновника Петра Сидорова родилась дочь Маша. Вскоре отец умер, семья вконец обеднела и девочка пошла работать в церковный хор. В 18 лет она дебютировала в местной опере, а в 21 год — уже в Москве, в Большом театре. К тридцатым годам она вошла в сонм золотых голосов страны и стала одной из ее безусловных легенд. Страна ее знала под именем Марии Максаковой.

Екатерина БИРЮКОВА

Звучной фамилией певица обязана своему первому мужу, Максиму Шварцу, известному баритону и оперному антрепренеру, работавшему под сценическим псевдонимом Максаков. Он был человеком другой эпохи, сформировавшись еще в девятнадцатом веке, был на тридцать лет старше своей жены. Их взаимоотношения являли собой удивительный пример сознательного союза мастера и ученика. Делая предложение восемнадцатилетней девушке, Максаков сказал что-то вроде: «Выходите за меня замуж, я сделаю из вас настоящую певицу». Он учил ее шестнадцать лет, до самой своей смерти, и исполнил обещание.

И из воспоминаний современников, и из сохранившихся аудиозаписей понятно, что это было непросто. Максакова не обладала крупным, тембрально насыщенным голосом, а диапа-

зон его был таков, что приходилось петь меццо-сопрановый репертуар (для сопранового ей не хватало верхних нот). Меццо-сопрано — это Кармен, Любаша из «Царской невесты», Марфа из «Хованщины», Амнерис из «Аиды». Все это страстные, чувственные женщины, которым, как считается, просто не обойтись без мощного грудного тембра. Но Максакова никогда не делала общепринятой ошибки — не форсировала звук, не нагоняла в него густоты, от которой со временем портится голос, а умела выкручиваться и находить в нем собственные средства выразительности.

Другая проблема, с которой ей приходилось бороться на огромной сцене Большого, — сильная близорукость. Она не видела даже рук дирижера. Партию приходилось заучивать до секунды и до сантиметра. И остается только догадываться, какой хорошей актрисой была Максакова, как серьезно отно-

силась к любым мелочам сценической жизни (начиная от умения носить костюм и кончая пластикой, которой она училась у балетных), как расчетливо пользовалась своими скромными вокальными возможностями, что производила на зрителей такое сильное впечатление.

Сейчас этого впечатления уже не воспроизведешь. Хотя, конечно, в ее пении слышны умные контрасты, на которых она строит свой сценический образ. Самое знаменитое ее достижение в этой области — Марина Мнишек: то сухая и неприятная, то ластивая и певучая. Конечно, слышно фантастическое качество дикции и какая-то удивительная доверительность интонации, которая делает в ее исполнении любую музыку простой и своей, лишая какого бы то ни было пафоса. Даже декадентская тоимость вагнеровских романсов на слова Матильды Везендонк — Максакова, конечно же, по моде тех лет пела их в переводе — оборачивается хорошо знакомым унынием русских протяжных песен. Сейчас эта немного навязчивая доверительность (хорошо нам знакомая по сталинскому кино) может даже отпугивать или рассмешить, но тогда, в тридца-

тые-сороковые, на которые приходится пик карьеры певицы, именно она служила мостиком к сердцу каждого советского человека. А это было именно так — голос Максаковой узнавали по радио.

Вполне понятно, что, согласуясь с природой собственного голоса, певица одна из первых стала делить оперную сцену с концертной. Она пела романсы Глинки, Чайковского и даже Шумана, но фирменным номером были русские песни. И если нынешняя переоценка ценностей, может, и не способствует актуализации ее оперного наследия, то с народными песнями все по-другому. Потому что тут ее просто не с чем сравнивать. Жанр концертного исполнения русской народной песни давно умер, и некоторые даже думают, что он никогда и не был жив, что это мертворожденное дитя советской пропаганды. Советую послушать Максакову. Сложно найти что-либо более органичное, чем сочетание ее голоса, балалаечного оркестра и строчки «догорай моя лучина». И в истории музыки Максакова останется нестервозной Кармен, которой она, судя по всему, никогда и не была, а мягкой, простодушной Кармен Петровной — как ее и называли при жизни.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Страна знала ее под именем Марии Максаковой